

Порфирий (Успенский), еп. Письма Преосвященного Порфирия (Успенского) к светлейшей княгине Елизавете Павловне Витгенштейн, урожденной Эйлер: [1855–1866 гг.] // Богословский вестник 1904. Т. 3. № 9. С. 104–129 (3-я пагин.). (Начало.)

Письма Преосвященнаго Порфирія (Успенскаго) къ Свѣтлѣйшей княгинѣ Елизаветѣ Павловнѣ Витгенштейнѣ, урожденной Эйлеръ ¹⁾.

29 Сентября 1855 г.

И я думаю, что не быть мнѣ въ Римѣ. Тѣмъ лучше! Пусть челнъ мой плыветь, куда направляетъ его Кормчіи небесный. Моя воля—въ Его волѣ. Моя преданность провидѣнію Божию совершенна. Она есть живое начало и живой конецъ всѣхъ моихъ дѣйствій; и въ ней я всегда почерпаю полное спокойствіе. Смотрите на меня съ этой точки зрѣнія, смотрите на меня какъ на то растеніе, цвѣтъ котораго всегда обращенъ къ солнцу, и порадайтесь со мною тому, что не исполнится земное, хотя и невинное, желаніе мое, а совершится то, что Богу угодно. Въ Богѣ живетъ и та Благовѣрная и Высокая душа, которой благость, подобно чистому и теплomu свѣту, осіяваетъ и согрѣваетъ многихъ. Это я знаю,

---

¹⁾ Свѣтлѣйшая княгиня Елизавета Павловна Витгенштейнъ, урожденная Эйлеръ, состояла съ 1852 г. фрейлиной при Вел. Кн. Еленѣ Павловнѣ вмѣстѣ съ извѣстной Эдитой Теодоровной Раденъ, была членомъ того кружка, который пользовался благосклоннымъ вниманіемъ Великой Княгини и къ которому принадлежали Юр. Теод. Самаринъ, И. А. Гончаровъ, А. Г. Рубинштейнъ и другіе выдающіеся представители науки, литературы и искусства; впослѣдствіи княгиня была въ Тифлисѣ гофмейстерной двора Вел. Княгини Ольги Теодоровны, супруги Намѣстника Кавказа Вел. Князя Михаила Николаевича, а затѣмъ фрейлиной Большого Двора, при Императрицѣ Маріи Александровнѣ, пользовалась вниманіемъ и расположеніемъ Императора Александра II-го; скончалась въ 1896 г. Письма къ княгинѣ преосв. Порфирія послѣ ея смерти перешли къ родственнику ея Константину Николаевичу Бѣлкину, который любезно предоставилъ ихъ въ наше распоряженіе.

Н. В.—xii.

и впередь успокоиваю себя тѣмъ, что Ея слово о мнѣ замолкнетъ въ Ея мысли о волѣ Божіей.

Всѣ мы—пылинки на вѣсахъ Вседержителя. Всѣ народы предъ Нимъ не болѣе, какъ капли изъ ведра. Но величіе Его соразмѣрно съ благостію Его. Сегодня Онъ гремитъ и перуны сѣетъ по землѣ, а завтра произрашаетъ на ней цвѣты благовонныя. Теперь страшная гроза Его надъ нами, но не далека и благодать Его. Ежели голосъ съ неба я слышалъ у гроба Господня, и ежели понялъ его вѣрно; то горе наше продлится еще сто, и еще сто, и еще 59 дней, и потомъ всѣ мы воскликнемъ гласомъ радованія:

Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ!

или

Благословенъ Богъ, научаяй персты наша на брань!

Но до той поры должны быть употреблены всѣ усилія наши къ сокрушенію врага. Dieu le veut.

Ночью подъ 27 день текущаго мѣсяца я видѣлъ во снѣ нѣкую благолѣпную жену, сидящую за пустымъ столомъ у морского залива, и горько сѣтующую. Она была вся обнажена, и ярко освѣщена не солнцемъ, не луною, и не искусственнымъ свѣтомъ, а какъ бы заревомъ пожара. Эта жена должна быть Одесса.

Давно я не видалъ васъ. Неблагопріятная погода препятствуетъ мнѣ быть въ вашемъ теремѣ и побесѣдовать съ вами попржему. Подожду лучшихъ дней, и явлюсь къ вамъ, когда солнце покажется на небѣ.

Благословеніе Господне на васъ.

А. Порфирій.

С. Петербургъ. 12 января 1857 г.

Не дождавшись пріѣзда Г. N, отвѣчаю на письмо ваше отъ 16 ноября прошлаго года.

Васъ изумила величественная красота Альпійскихъ горъ. Любуясь ею, вы живо понимали всемогущество Божіе и думали, что на горахъ хорошо молиться и жить. Дѣйствительно, тамъ какъ-то чудно слышишь высокую проповѣдь о Богѣ и такъ и хочешь вѣчно пѣть славословіе Ему, а въ груди своей ощущаешь удвоенную жизнь. Съ Божіихъ горъ вы сошли, нося въ своемъ сердцѣ скрижаль, на которой начертано: азъ есмь Господь Богъ твой. Берегите ее. *Savoir aimer son Dieu, et faire de lui son tout, est la plus noble*

de toutes les sciences, et la marque du plus grand esprit et du plus grand coeur. ¹⁾

Вамъ полюбилося зодчество Готическихъ храмовъ въ Нюрнбергѣ и Бреннерѣ. Душѣ возвышенной и прекрасной свойственно любить высокое и изящное. Не знаю, какъ вы понимаете, или какъ другіе объясняютъ значеніе Готической тески камней на подобіе кружева, постановки множества стрѣльчатовъ на внѣшнихъ стѣнахъ, отдѣлки дверей въ видѣ многихъ соединенныхъ радугъ, кладки внутреннихъ сводовъ и стѣнъ на подобіе уборнаго терема, или сѣни изъ тканей, и обращеніе алтарей на западъ. А по моему мнѣнію, кружевные узоры на Готическихъ храмахъ напоминаютъ христіанину, что онъ долженъ быть украшеніемъ семейства, общества и церкви; стрѣльчаты, высящіеся къ небу, показываютъ ему:—куда должны быть устремлены всѣ помыслы, чувствованія, дѣйствія и цѣли его; радугообразныя двери, ведущія въ храмы, знаменуютъ, что въ эти святилища, надобно входить примирившись съ ближними, потому что тамъ совершается примиреніе Бога съ людьми, знаменіемъ коего служитъ радуга; внутренность храма на подобіе сѣни изъ тканей есть какъ бы колыбель, въ которой души питаются таинственнымъ брашномъ и убаюкиваются словомъ о Богѣ и пѣніемъ о небѣ; алтари обращены на западъ по воспоминанію объ Іерусалимскомъ храмѣ, въ который древле входили съ востока на встрѣчу Солнцу Правды, возсіявшему изъ погребальнаго вертепа, стоящаго въ западной части сего храма.

Зодчество древнихъ христіанъ — многознаменательно и поучительно. Припомните церковь св. Амвросія въ Миланѣ, которая Великої Княгинѣ и вамъ показалась родною. Къ ней, вмѣсто нашей паперти, пристроенъ открытый дворъ съ колоннадою. Его называютъ Раемъ. Понятно, что онъ знаменуетъ тотъ рай, изъ котораго изгнанъ былъ первый Адамъ, и въ который возвращается насъ второй Адамъ, Христосъ Господь. Какая богатая мысль, построить храмъ такъ, что онъ предверіемъ своимъ напоминаетъ двѣ величайшія тайны бытія человѣческаго рода, тайну потери Рая и тайну обрѣтенія Рая!

---

¹⁾ Любить своего Бога и видѣть въ Немъ свое „все“—это самое благородное званіе и приznakъ величайшаго ума и величайшаго сердца.

Вы говорите о Миланскомъ соборѣ, что подобнаго ему, вѣдь, во всемъ мірѣ нѣтъ. Точно, нѣтъ. Это—красота очей благолѣпнѣйшая. Любуешься и не налюбишься ею. Я живо помню этотъ соборъ, и до сихъ поръ думаю, что видѣлъ гору, склоны которой усажены кипарисами, а высь исцещрена цвѣтами (жаль, что вы не видѣли цвѣтника вдоль обѣихъ сторонъ крыши, выдѣланнаго изъ мрамора на тамошнихъ откосныхъ устояхъ) самое же темя увѣнчано стрѣльчатомъ, указующимъ душѣ путь вознесенія ея на небо. Этотъ громадный, лѣсистый, цвѣтистый соборъ нѣкоторымъ образомъ оправдываетъ Евангельскія слова: „аще имате вѣру, яко зерно горушно, речете горѣ сей: двигнися и двигнется“. Дѣйстви-тельно для постройки его была перенесена цѣлая мраморная гора, подаренная однимъ богатымъ христіаниномъ, владѣвшимъ ею. Вѣра Лонгобардовъ сказала этой горѣ: двинься, и она двинулась; и таже вѣра обратила ее въ великолѣпный храмъ Богу.

Ваши сужденія о картинахъ Миланскихъ я сравнивалъ съ своими замѣтками о нихъ. Оказалось, что вамъ понравились почти тѣже самыя картины, коими любовался и я. Чѣмъ же условливалось одинаковое наслажденіе наше однѣми и тѣми же произведеніями художной кисти? Одинаковою настроенно-стію душъ? Нѣтъ. Оно условливалось *истинною* красотой этихъ произведеній, которая одинаково пріятна всѣмъ, и взрослымъ и малымъ, и добрымъ и злымъ, и мудрымъ и простымъ. Истина въ красотѣ, или красота истины подобна привлекательной силѣ земного шара, притягивающей къ нему и яблоко, и жолудь, и золото, и олово. Степени продолжительнаго наслажденія изящными искусствами разны у разныхъ людей, смотря по внутреннему настроенію душъ ихъ. Вы просидѣли бы цѣлый день у картины Гверчина, представляющей удаленіе Агари изъ кущи Авраама. А я не отошелъ бы отъ картины Сальватора Розы, на которой изображенъ препод. Павелъ Фивейскій, въ часъ бури молящійся съ воздѣтыми къ небу руками у входа въ пещеру подлѣ сломленнаго и ищепаннаго дерева. Значить, вы справедливы, сострадательны и готовы раздѣлять съ ближнимъ злополучіе его: а я люблю пустыню, уединеніе, созерцаніе и испытывъ много обидъ, тревогъ, неправдъ, страданій, чаю помощи и утѣшенія отъ одного Бога. Ваше и мое вниманіе

было приковано къ картинѣ Гвидо Рени, на которой впечатлительно изображены, Павелъ обличающій Петра, и Петръ внимающій Павлу сурово, но съ раскаяніемъ. Значить, мы оба способны къ исправленію недостатковъ своихъ, кои открываютъ намъ другіе. По мнѣ, всѣ высокія и прекрасныя произведенія кисти и рѣзца суть какъ бы зеркала, въ коихъ всякая душа можетъ видѣть свои и чужія склонности, страсти, недостатки и совершенства. Не знаю: судилъ ли кто-нибудь такъ о воздѣйствіи изящныхъ искусствъ на душу. А я думаю, что кто хочетъ разгадать душевныя свойства другого, тотъ пусть идетъ смотрѣть съ нимъ картины и статуи, и пусть наблюдаетъ надъ нимъ:—какіе образы нравятся ему болѣе прочихъ. Его любованіе ангеломъ или діаволомъ, обнаружить его душу. Вамъ, дѣвицамъ, хорошо бы такъ узнавать жениховъ своихъ. Картины и статуи—вотъ ваши свахи!

Радуюсь, что великая сестра милосердія здорова. Вы хорошо сдѣлали, что извѣстили меня объ этомъ. Мнѣ сладко знать, что процвѣтаютъ тѣ, qui aiment la lumière et la vertu ¹⁾

Цвѣтите и вы на радость многимъ.

Благословеніе Господне на васъ!

А. П.

Р. S. Мои сочиненія вышли въ свѣтъ. Желая прислать ихъ къ вамъ, да не знаю, какъ. Спрошу объ этомъ на почтѣ. Здѣшнее археологич. общество, подъ предсѣдательствомъ В. К. К. Н., приглашало меня быть членомъ—корреспондентомъ его и прислало мнѣ великолѣпный дипломъ, подписанный Августѣйшимъ Предсѣдателемъ. Приглашеніе его лестно для меня. Но къ сожалѣнію всѣ ученые матеріалы и сочиненія мои, коими я могъ бы подѣлиться съ обществомъ, оставлены въ Іерусалимѣ, куда едвали возвращусь я, угнетаемый Толстою силою. Странно положеніе мое! Одни подвязали мнѣ крылья, а другіе понуждаютъ меня летѣть, и замѣтивъ неподвижность мою могутъ сказать: да онъ—орелъ деревянный.

Шлю привѣтъ мой Эдиттѣ Теодоровнѣ: благодать и миръ ей отъ Господа и Бога и Спаса нашего І. Христа!

Изъ Января.

Р. S. Толстой прочить въ Іерусалимѣ уже не діакона

¹⁾ Которые любятъ свѣтъ и добродѣтель.

Оптиной пустыни, а Аѳинскаго архимандрита нашего, меня же хочеть упрятать въ Аѳины. Поѣду туда, но поѣду печальный, грустный, истерзанный. Охъ! Я не думалъ, что отнять у меня *любимое* дѣло мое—воскрешеніе Арабск. православнаго народа и возвращеніе Сирійск. и Палестин. Уніатовъ въ ограду нашей церкви: чему уже положено мною начало; еще менѣе помышлялъ я о томъ, что какая нибудь Толстая сила можетъ оттолкнуть меня отъ отечества, которое я люблю разумно и страстно.

С.-Петербургъ. 1857 г. 11 Февраля.

Многими дарами надѣлилъ человѣка премудрый и всеблагій Творецъ. Къ числу ихъ принадлежитъ наше слово, выражаемое звуками или письменами. Посредствомъ слова молитвеннаго проникаетъ въ насъ благодать Св. Духа. Посредствомъ слова разговорнаго, или письменнаго, душа душѣ свѣтитъ и отсвѣчаетъ. Какой чудный и драгоценный даръ Бога—Слова!

Пользуюсь имъ и отвѣчаю на письмо ваше, отъ 12 Января, въ которомъ вы прислали цвѣточки изъ садовъ, или съ горъ Ниццы.

Надлежало бы мнѣ одарить васъ подобными кринами. Но въ нашемъ снѣгу не растутъ фіалки и розы. Правда, есть кусты и березы на стеклахъ моей холодной горницы; но я не умѣю ни сорвать, ни переслать ихъ къ вамъ. Напоминаю о нихъ, и это напоминаніе прошу принять вмѣсто букета съ родимой, бѣлоснѣжной сторонушки, гдѣ васъ любить мать, любить братъ, помню я, и поминаетъ вся церковь, когда молится о плавающихъ, путешествующихъ.

„Вы гуляете въ садахъ и по горамъ, наслаждаетесь природою, много размышляете и сознаете, что душа ваша по милости Божіей покойна и свѣтла“. Ваше благополучіе вельми радуеть меня, природа, это ненаглядная подруга моя, сдѣлалась и вашею подружкой. Не ревную, напротивъ радуюсь, что и вы любите эту красавицу Божію. Дружить съ нею хорошо. Безгрѣшная, она ничѣмъ не соблазняетъ, не огорчаетъ, не раздражаетъ, напротивъ успокаиваетъ, радуеть, назидаетъ всякаго, кто умѣетъ жить и бесѣдовать съ нею. Въ просторномъ лонѣ ея сознаешь себя свободнымъ, независимымъ, первымъ, любишь не себя, а Творца ея, надѣешься не на себя, а на Вседержителя, силою Котораго она существуетъ; когда

же младенчески любуешься красотами и величіемъ ея, тогда забываешься до того, что не замѣчаешь хода времени, ничего не хочешь, ни о чемъ не думаешь, и только чувствуешь свое блаженство. Такое самозабвеніе не много поясняетъ райское состояніе души, когда она, чистая, будетъ созерцать вѣчную Красоту и всѣхъ совершенствъ Полноту.

Ваше знакомство съ протестантами и съ главою ихъ Пилатомъ (вѣроятно, не Понтійскимъ, хотя онъ и измѣнилъ Папѣ) ни мало не беспокоитъ меня. Промѣняете ли вы бриллианты на стекла, жемчугъ на бисеръ, цвѣты на осѣку? Повѣрите ли вы, que Dieu eût retiré la vérité et la grâce de Son Esprit Saint à toute une assemblée d' évêques pour la donner à un seul ¹⁾, напримѣръ Лютеру или Водуанскому пастору Пилату? Повѣрите ли, que la sagesse divine ne garde plus dans l' ombre de son sanctuaire les germes des facultés extraordinaires, que possédaient autrefois les prophètes, les apôtres et les saints Pères de l' Eglise? Les Protestants les croient perdues, et peut-être, nient même, qu' elles aient jamais existé. Pourtant elles sont là, toujours prêtes à reflourir comme la verge d' Aaron, quand les temps et le service de l' Eglise réclamèrent le secours de leur présence ²⁾. Повѣрите ли вы, что богословская ученость протестантовъ можетъ замѣнить благодатные дары прозрѣнія, чудотворенія, исцѣленія болѣзней? Понадѣетесь ли вы, что какой-нибудь Пасторъ *однимъ искусственнымъ словомъ своимъ* сможетъ спасти душу разгульной актрисы, какъ нѣкогда спасъ Антиохійскую лицедѣйку—любодѣйку Маргариту св. Епископъ Ноннъ своею проповѣдью и *молитвою*? Понадѣетесь ли вы, что подлѣ каедры Пилата, или Вальтера внезапно выздоровѣетъ такая 17 лѣтняя разслабленная госпожа, какую я видѣлъ послѣ исцѣленія у раки св. Митрофана? Какая другая литургія замѣнитъ вамъ нашу? Удовлетворитъ ли васъ

¹⁾ Повѣрите ли вы, что Богъ отнялъ истину и благодать Своего Св. Духа отъ цѣлаго собора епископовъ, чтобы дать ее только одному.

²⁾ Что божественная премудрость не хранитъ уже въ сокровищницѣ своего святилища зародышей необыкновенныхъ дарованій, которыми обладали нѣкогда пророки, апостолы и святые отцы церкви? Протестанты думаютъ, что они утеряны и, можетъ быть, отрицаютъ даже, чтобы они когда-либо существовали. Однако же они существуютъ всегда готовые расцвѣсти вновь, какъ жезлъ Аарона, когда времена и служеніе церкви требуютъ ихъ присутствія.

одно историческое воспоминаніе объ установленіи Евхаристіи безъ сочетанія душъ съ Херувимами послѣ отложенія всякаго житейскаго попеченія, безъ приглашенія ихъ къ вольному преданію себя самихъ вмѣстѣ съ другими и со всѣми святыми Христу—Богу, безъ единокорнаго призыванія Утѣшителя, Духа истинны, Сокровища благихъ и жизни Подателя? Отринете ли вы данное вамъ Спасителемъ право, хотя однажды въ годъ, прощать *несмертныя* грѣхи кающимся и исповѣдующимся ближнимъ вашимъ, прощать устами избраннаго пастыря душъ, когда не онъ собственно, а живущій въ васъ Христосъ прощаетъ ихъ? Перестанете ли вы просить милости Божіей, царства небснаго и оставленія грѣховъ у безсмертнаго Царя тѣмъ скончавшимся въ Вѣрѣ, которыхъ вы любили и которые любили васъ? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы у меня колонна Православія. Вы у меня голубица Ноева: покружитесь надъ горькими водами и опять прилетите въ ковчегъ свой, цѣлая, чистая, радостная, чтобы вмѣстѣ съ нами питаться духовнымъ брашномъ нашимъ.

Сочиненій Монода я не читалъ. А о Шведенборгѣ скажу вамъ мнѣніе свое. Я не отрицаю его способности видѣть будущее, потому что самъ часто вижу оное во снѣ и вижу ясно и вѣрно; но ученіе его о загробной жизни душъ считаю грезой воображенія. *Nous sommes trop élevés audessus de nous-même et nous ne saurions nous comprendre, dit le St. Augustin* ¹⁾. Какъ же можемъ понять то, чего не видало око наше, не слыхало ухо наше, и что уготовалъ Господь любящимъ его? Небожественный Павелъ восхищенъ былъ духомъ въ рай, и слышавъ тамъ неизрѣченныя глаголы, никакъ не могъ передать ихъ языкомъ человѣческимъ. Преподобный Іоаннъ Лѣствичникъ—этотъ великій подвижникъ и свѣтильникъ церкви—однажды вопрошалъ ангела о нѣкоторыхъ райскихъ предметахъ, но слышалъ слѣдующіе отвѣты: *„сега и ангелы не въдаютъ, а этого не можешь понять ты“*. Итакъ Шведенборгъ ли, который самъ себя не почиталъ святымъ, могъ знать, какъ живутъ души въ обителяхъ Отца Небснаго? Самъ Господь лишь немного приподнялъ завѣсу, скрывающую отъ насъ міръ загробный, дабы мы не охладѣли къ

---

¹⁾ Мы стоимъ слишкомъ высоко надъ самими собой и мы не поймемъ себя, говорить Бл. Августина.

земной жизни нашей. По слову Его, тамъ никто не женится и не посягаетъ, во всё живутъ какъ ангелы Божіи. А Духъ Святый устами апостола Павла открылъ намъ, что наши тѣла по воскресеніи соединятся съ душами, но будутъ уже нетлѣнныя, духовныя, безболѣзныя, свѣтоносныя. Довольно съ насъ этихъ откровеній Божіихъ! Они утѣшительны и цѣлебны. *Abstenons nous donc de tout jugement téméraire sur les matières impénétrables,*¹⁾ и какъ православные будемъ довольствоваться *священною простотою* вѣры и надежды. Намъ изъ Рая принесена бѣлая Лилія: не испортимъ ли же мы этотъ цвѣтокъ, когда позовемъ шведскаго живописца и велімъ ему раскрасить его, какъ угодно прихотливому воображенію нашему?

О настоящемъ политическомъ состояніи Европы не намѣренъ бесѣдовать съ вами. Мои мысли о немъ отчасти извѣстны вамъ.

Въ нашей столицѣ радуются тому, что у насъ скоро будутъ сдѣланы желѣзныя дороги.—Въ нашемъ Синодѣ теперь два Оберъ-Прокурора Гр. Толстой и родня его Пот—на. Недавно она намекнула мнѣ, что ей желательно видѣть меня въ Крыму въ санѣ архіерейскомъ. Итакъ, я похожу на мячикъ, перебрасываемый то въ Іерусалимъ, то въ Аѳины, то въ Тавриду. Время покажетъ: гдѣ установится этотъ битый мячикъ.—Говорятъ, что въ Іерусалимъ будутъ назначены: одинъ Молдаванъ, другой—болванъ, третій—Болгаринъ, четвертый Русскій бояринъ, пятый—Дамасскій Арабъ, шестой нѣкій Божій рабъ. Чудеса, да и только!—Іорданскій голубокъ нашъ гдѣ летаетъ, о томъ никто не знаетъ. А я въ кельѣ сижу и что-нибудь пишу. Почта берется доставить вамъ печатныя творенія мои, но такъ, что не я, а вы должны платить за пересылку ихъ отъ нашей границы. Вотъ это ужъ не хорошо! Вѣдь, и книги то мои не стоятъ того, что вамъ придется уплатить за доставку ихъ. Итакъ, пусть онѣ лежатъ здѣсь до возвращенія вашего.—Вамъ кланяется Тютчева. Я бываю у ней. Христіанская душа! Благовонный цвѣтокъ въ вертоградѣ Господнемъ!—Поручаю вамъ сказать Эдитѣ, что неистовство ея при вѣсти о нападкахъ на меня,

---

¹⁾ Воздержимся отъ всякаго смѣлаго сужденія о неизслѣднмыхъ предметахъ.

я призналъ за *тотъ душевный огонь*, который,—если-бы она была правительницею, какъ Деворра,—истребилъ бы безпутнаго врага Сіона—Т—о Сисару. Ея и вашимъ добрымъ расположеніемъ ко мнѣ объясняется одна тайна души моеи, именно, видѣніе васъ обоихъ во снѣ въ ночь подь первый день новаго 1854 года, когда я жилъ еще въ св. Градѣ и не звалъ васъ. Это видѣніе тогда же записано было мной; и я про себя вспомнилъ его тотчасъ, какъ увидѣлъ васъ у Г-жи Ширманъ, а Эдиту въ Ораніенбаумѣ. По этому видѣнію обѣ вы были уже мнѣ знакомы. Душа у меня—зеркало, въ которомъ отражается многое будущее, какъ настоящее и отражается всегда въ вѣрныхъ эмблемахъ. Такая способность моя изумляетъ меня самого, и нерѣдко пугаетъ. Если бы вы прочли описаніе всѣхъ вѣщихъ и исполнившихся сновидѣній моихъ; то искренно сказали бы: „вѣрно слово св. Августина! — nous sommes trop élevés au-dessus de nous-mêmes.“

Не хочется прекращать бесѣду съ вами, а пора умолкнуть.

Умолкаю, сказавъ послѣднее слово: Благословеніе Господне на васъ! Цвѣтите на радость мнѣ и многимъ, и вмѣсто меня, молча, взгляните на Великую сестру милосердія съ благоговѣніемъ, любовію и безпредѣльною преданностію.

А. П.

С. П. Б. 1857 г. Апрѣля 23 дня.

На дняхъ изъ Михайловскаго Дворца приходилъ ко мнѣ служитель и повѣдалъ, что вы, давно не получая отъ меня извѣстій, подумали, что я болѣнъ, или выѣхалъ изъ Петербурга. Однако я писалъ вамъ въ 28 день Марта. Ужели вы не получили письма моего?

Жалѣю, что запоздалость отвѣта моего на ваши письма отъ 8 и 24 Февраля причинила вамъ тревогу, и прошу у васъ прощенія, не извиняя себя ни слабостію силъ, ни срочными занятіями, кои пріостановили порывъ мой писать къ вамъ въ потребное время. Истинныхъ друзей ни въ какомъ случаѣ и ничѣмъ огорчать и тревожить не должно. Для нихъ Богъ далъ душѣ запасъ силъ даже на случай нездоровья и то усердіе, которое умѣетъ выгадывать нѣсколько свободныхъ минутъ изъ времени поглащаемаго са-

мыми многосложными занятіями. А я, окаянный, не воспользовался этимъ запасомъ, и потерявъ эти минуты, привелъ васъ въ раздумье. Виновать! Простите меня, но, простивъ, вѣрьте тому душевному расположенію моему къ вамъ, съ которымъ несомнѣнимо такое преступленіе, каково неувѣдомленіе васъ о какихъ либо нечаянностяхъ моихъ, и вѣрьте тѣмъ болѣе, что ваша дружба ко мнѣ, въ настоящіе дни опалы моей, служить единственнымъ утѣшеніемъ моимъ. Вы единственное солнышко, которое порой посылаетъ мнѣ отрадный лучъ на тернистомъ пути моемъ подъ небомъ, покрытымъ мрачными тучами.

Опала моя продолжается. Въ Іерусалимъ назначена миссія подъ начальствомъ Епископа. Но не мнѣ вручено управленіе ею, а Одесскому Епископу Поликарпу, который нѣкогда служилъ при нашемъ посольствѣ въ Аѳинахъ, я знаю его лично. *Nullité parfaite* ¹⁾.

Не жалю о томъ, что меня не послали въ Іерусалимъ; ибо многократными сновидѣніями я предъувѣдомленъ былъ о разлученіи моемъ съ святыми мѣстами и съ тамошними братіями о Господѣ; да и нѣкій таинственный голосъ говорить во мнѣ, что шадить меня Богъ, дабы не при мнѣ, ретивомъ и сострадательномъ, началось паденіе патріаршихъ престоловъ на Востокъ,—паденіе неизбѣжное послѣ отнятія у нихъ богатыхъ имѣній въ Молдавіи и Валахіи, жадно назираемыхъ туземцами. Но скорблю о томъ, что мнѣ не даютъ никакой высшей должности и тѣмъ безчестятъ меня въ глазахъ нашего и Восточнаго духовенства, которому очень хорошо извѣстно мое имя. „Лучше мнѣ умереть, говорю съ апостоломъ Павломъ,—нежели потерпѣть, чтобы кто упразднилъ похвалу мою“. Скорблю о томъ, что меня отталкиваютъ отъ церкви, отечества и престола, которымъ я могу служить словомъ и дѣломъ разумно, вѣрно, соп агоре. Скорблю о томъ, что я *осужденъ безъ суда* какими-то непогрѣшимыми папами и усѣченъ до корня, живой тѣнистый, плодovitый. Никакъ не могу приучиться смотрѣть на себя, какъ на придорожный цень, о который будетъ задѣвать всякое колесо, смазанное дегтемъ. Малодушіе не сродно мнѣ; но не пріятно и услажденіе своимъ собственнымъ мученичествомъ. По при-

¹⁾ Совершенное ничтожество.

родѣ и по благодати я общителенъ съ ближними, а при напорѣ на меня Толстои и Чернои силы я уже чувствую въ себѣ зарожденіе не ненависти къ людямъ, а какой-то робости, претящей мнѣ бывать даже у тѣхъ лучшихъ людей, которые уважали меня, и которые теперь, быть можетъ, подозрѣваютъ во мнѣ негодяя... Я еще смѣюсь надъ этою робостью; но она одолеваетъ меня, почерпая себѣ силу въ напоминаніи мнѣ объ отшельничествѣ моемъ. Къ этой робости присоединяется язвительная мысль, что я живу въ обществѣ не-христіанъ; ибо истинно вѣрующіе во Христа врачевали бы мои немощи, поднимали бы меня падшаго, прощали бы мое прегрѣшеніе ради покаянія моего, ради лучшихъ качествъ, кои должны же быть во мнѣ, потомучто я сотворенъ не сатаню. Но меня только грязнятъ, презираютъ, уничтожаютъ. Духовное состояніе мое въ настоящее время весьма не хорошо. *Ma mémoire est attaquée et mise en trouble. Mes pensées se combattent entre elles. Toute la région, où les pensées se forment, est comme un champ de bataille, où les hommes s'entretuent les uns les autres. Toutes mes passions sont émues. Tout en moi est en discorde. La paix est ôtée. Ma pauvre âme est comme partagée, déchirée, meurtrie et tuée par cette guerre sanglante qui se fait en elle. O guerre cruelle, et plus cruelle et pénible à supporter, que l'on ne peut l'exprimer! Je n'ai ni force ni courage pour résister à rien. Tous mes projets, toutes mes espérances, tout appui en ce qui m'aurait soutenu jusqu'à présent, tout est arraché; et il ne reste qu' un abandon sec et sans aucun goût à la volouté de Dieu,—que dis-je? il ne reste qu' attendre, si peut—être le seigneur aura compassion et descendra dans mon enfer.*

O, je crois et j'espère, qu'il descendra là et assistera en secret, et sans que je le sache d'une manière distincte, à toutes mes peines: il les adoucira en ayant porté la plus amère, et par sa présence me vendra cet enfer supportable et doux, et m'en tirera.

Je le crois, je l'espère, et c'est pourquoi je comprends, que l' Éternel, qui brise les cèdres du Liban, me remet dans un néant, afin que je puisse être créé de nouveau. Oui! Quand il anéantit bien plus profondément tout notre être par des moyens d'autant plus admirables qu' ils sont douloureux, étranges et incompréhensibles à l' esprit humain, il veut nous posséder plus intimement que jamais et devenir, tout en nous, le principe de notre vie et de toutes nos opérations.

À Dieu, mon amie! Croyez, aimez, espérez et poursuivez votre route en paix. ¹⁾

А. П.

Напомните обо мнѣ Эдиттѣ Теодоровнѣ. Если не позволятъ мнѣ *ожить* въ Ораніенбаумѣ, то я увѣдомлю васъ объ этомъ.

СПБ. 1857 г. 1 Мая.

Давно вы не писали ко мнѣ. Что съ вами? Перо ли ваше притупилось? Или я заслужилъ неблаговоленіе ваше?

Жду отъ васъ привѣта. Жду отъ васъ вѣстей. Ради Бога откликнитесь.

Посылаю вамъ при семь сочиненія мои. Прочитавъ, подарите ихъ кому-либо изъ нашихъ духовныхъ лицъ, служащихъ за границею. Ибо для васъ и для Эдитты приготовлены тѣ же книги и картины на лучшей бумагѣ и въ хорошемъ переплетѣ. Когда возвратитесь въ отечество, получите ихъ или отъ меня, или отъ бібліотекаря Великой Княгини.

Цвѣтите. Благословеніе Господне на васъ!

А. П.

---

¹⁾ Моя память подверглась нападкамъ и приведена въ разстройство. Мои мысли сталкиваются между собой. Вся область мыслей подобна полю битвы, на которой люди взаимно убиваютъ другъ друга. Всѣ мои страсти возбуждены. Во всемъ во мнѣ безпорядокъ. Миръ отнять. Моя бѣдная душа какъ будто раздѣлена, разорвана, умерщвлена и убита той кровавой войной, которая въ ней происходитъ. О жестокая война и болѣе жестокая и мучительная для перенесенія, чѣмъ можно это выразить. У меня нѣтъ ни силъ, ни смѣлости противиться чему-либо. Всѣ мои планы, всѣ мои надежды, вся оцора, поддерживавшая меня до настоящаго времени,— все отнято, остается только сухая и безъ всякой склонности преданность воли Божіей. Что мнѣ сказать? Остается только ждать, что быть можетъ Господь будетъ милостивъ и снизойдетъ въ мой адъ.

О, я вѣрю и надѣюсь, что Онъ туда снизойдетъ и тайно, такъ, чтобы я раздѣльно не постигалъ, поможетъ во всѣхъ моихъ страданіяхъ: Онъ ихъ усладитъ, ибо переносилъ самое горькое, и своимъ присутствіемъ сдѣлаетъ для меня этотъ адъ переносимымъ и пріятнымъ, и извлечетъ меня изъ него.

Я вѣрю и надѣюсь на это и вотъ почему я понимаю, что Вѣчный, сокрушающій кедры ливанскіе, обращаетъ меня въ ничто, чтобы меня можно было вновь создать. Увы! когда Онъ волюю уничтожаетъ все наше бытіе средствами, тѣмъ болѣе удивительными, что они прискорбны, странны и непонятны для человѣческаго ума, онъ желаетъ нами обладать болѣе тѣсно, чѣмъ когда-либо и сдѣлаться въ насъ всею,—принципомъ нашей жизни и всѣхъ нашихъ дѣяній.

Прощайте, мой другъ! Вѣрьте, любите, надѣйтесь и стѣдуйте своему пути въ мирѣ.

СПБ. 1857 г. Мая 7 дня.

Чѣмъ нетерпѣливѣе я ожидалъ письма вашего, тѣмъ болѣе обрадовался, получивъ его въ пору усиленія моихъ недоумѣній о вашемъ немаловременномъ молчаніи. Вы здоровы, благодущны, и душевно преданы мнѣ. Узнавъ это, теперь я спокоенъ, веселъ и, недѣли двѣ, не буду думать о васъ.

Пріятно мнѣ было знать, что вы передали Великой Княгинѣ мой пасхальный привѣтъ, и что она приняла его благосклонно. Я люблю въ Ней тѣ дарованія, коими богато надѣлилъ Ее Богъ, и тѣ добродѣтели, кои проявляютъ сочетаніе воли Ея съ благодатію Христовою. Воззрѣніе на прекрасный ликъ Ея, подаренный мнѣ предъ отъѣздомъ вашимъ за границу, утѣшаетъ меня въ скорбяхъ моихъ.

Духовная сладость, которую вы ощущали въ себѣ послѣ пріобщенія Св. Таинъ, понятна мнѣ. Въ золотые дни дѣвственной юности моей я послѣ исповѣди и причастія бывалъ такъ соединенъ со Христомъ, что во весь день и вечеръ тотъ пѣлъ разныя молитвы, дабы ни одна грѣшная мысль не потемнила души моей. Это святое усиліе воли, послушной благодати Христовой, вспоминаеть Богъ, когда душа предстанетъ предъ престоломъ Его. Будетъ вспомнута Имъ и ваше пріобщеніе къ Нему съ вѣрою, любовью и надеждою, хотя оно было и кратковременно. Богъ есть Память, въ которой вѣчно хранится всякое святое помышленіе и чувствованіе наше, даже мгновенное.

О пѣніи вашемъ на клиросѣ въ походной церкви слышу отъ васъ въ первый разъ. Русскія дѣвы и жены воспѣвали величія Божія въ Іерусалимѣ, Александріи, Каирѣ и въ Синайскомъ монастырѣ, и стройнымъ пѣніемъ своимъ производили пріятное впечатлѣніе въ тамошнихъ христіанахъ: а вы славословите Бога въ Ниццѣ. Безподобно! Молитва воспѣваемая, или произносимая женщиною, по мнѣ, есть единственное доказательство того, что женскій полъ сотворенъ по образу и по подобію Божію. Перестань женщина молиться: я буду видѣть въ ней обезьяну. Изъ ветхозавѣтнаго писанія видно, что не Адамъ, а Ева въ первый разъ произнесла слово Богъ, когда, родивъ первенца, сказала: „*стяжалъ человека Богомъ*“. А въ новомъ завѣтѣ Пресвятая Дѣва Марія, первая, высокимъ умомъ прославила Вышняго,

говоря: „величить душа моя Господа и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ“. Первое кратчайшее вѣроисповѣданіе праматери Евы! и первое славословіе Богу Дѣвома-тери Маріи—вотъ непрерываемыя свидѣтельства челоувѣчности и близости къ Богу вашего пола! Итакъ пойте Богу пѣснь нову, пѣснь христіанскую, молитесь съ нами, разумно и пламенно, и тѣмъ поддерживайте въ насъ высокое понятіе о вашемъ Богоподобіи. Великій Князь К. Н. пѣлъ вмѣстѣ съ вами на клиросѣ. Безподобно! Греческій царь Іоаннъ Палеологъ въ бытность свою въ Римѣ (1436 г.) домогался у Папы, чтобы ему позволено было прочесть Апостолъ во время литургіи въ базиликѣ Петра, но не получилъ разрѣшенія на то, потому что лишь однимъ французскимъ королемъ, со времени Карла Великаго, предоставлено было право чтеца священ. книгъ во время богослуженія Папъ. А нашъ Великій Князь безъ спросу пѣлъ величія Божія въ епархіи преемника апостола Петра. Онъ правъ. У православнаго князя кто Папа?—его сердце, любящее Бога.

Извѣстіе о построеніи православной церкви въ Ниццѣ въ память пребыванія тамъ нашихъ царственныхъ женъ усладило меня. Вѣдь, мы вселенскіе христіане: такъ и церкви наши должны быть вездѣ. Жаль, что я не съ вами: а то положилъ бы и свою лепту въ основаніе новаго святилища Господня. Нашъ Синодъ отказалъ всѣмъ вамъ въ денежномъ пособіи, обѣщавшись помогать богоугодному дѣлу вашему молитвами своими. *C' est magnifique et pas cher*: говорите вы. *Magnifique et pas cher*—вторю вамъ.

8 Мая.

Огорченія мои увеличиваются со дня на день. Отъ чего же?

Я узналъ отъ одной знатной госпожи, что меня оклеветали предъ Государемъ, который, въ присутствіи ея, на вопросъ Кавелиной о мнѣ,—архимандритъ устранилъ отъ Іерусалима неужели за то, что ѣлъ тамъ скромное?—отвѣчалъ смѣясь: „*между прочимъ* и за это“. Богъ,—судія клеветникамъ моимъ неблагоразумнымъ! Нужно было имъ возмущать тихую душу царя какими-то сплетнями и позорить челоувѣка, съ которымъ они не жили ни одного дня. Но что сказано, то врѣзано въ душу Слышавшаго. Кто же изгладить въ ней сильное впечатлѣніе? Не знаю.

Управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ С-нъ

говорилъ мнѣ, что Графъ Толстой наконецъ хотѣлъ меня назначить въ Іерусалимъ, но князь Горчаковъ предпочелъ мнѣ епископа Поликарпа по одобренію Гр. Путятина и по дипломатическому суевѣрію, заставляющему его удалять отъ нашихъ посольствъ и миссій всѣхъ прежде служившихъ тамъ, и опредѣлять новыхъ чиновниковъ, которые, однако, не имѣя живого преданія о ходѣ дѣлъ и о характерахъ лицъ (въ Берлинѣ напр.), не знаютъ къ кому обращаться въ случаѣ надобности. Новое суевѣріе! А одобреніе Поликарпа Путятинымъ объясняется знакомствомъ ихъ либо въ Афинахъ, либо въ Крыму, и забавнымъ мнѣніемъ его сіятельства, будто я своими записками о Востокъ приготовилъ прошедшую войну. Это мнѣніе Путятинъ выразилъ товарищу моему по Академіи арх. Аввакуму во время недавняго плаванія въ Китайско-Японскихъ моряхъ. Грозенъ же я! Однако можно было бы подумать, что кто способенъ причинить войну, тотъ сможетъ возстановить и миръ.

Бываетъ несчастное время, когда стѣсняютъ кругъ благотворной дѣятельности даровитыхъ людей. Таково наше время. Недавно отсюда услали въ Казань умнаго Ректора Семинаріи, и на мѣсто сокола посадили ворону; а ректора Академіи преосв. Макарія удаляютъ въ Тамбовъ, гдѣ онъ долженъ судить и рядить пьяныхъ церковниковъ, и гдѣ къ глубокому прискорбію многихъ и моему, онъ уже не будетъ имѣть ни досуга, ни ученыхъ пособій для окончанія превосходнаго сочиненія своего, именно, исторіи нашей Церкви, которой лишь три части обнародованы на дняхъ. Онъ не имѣлъ счастья понравиться новому митрополиту. Увы! Пришло горе умамъ.

Нашего апостольскаго мужа, преосвящ. Иннокентія вызываютъ съ Алеутскихъ острововъ для присутствія въ Св. Синодѣ, не предусмотрѣвъ, что во время разлученія его съ паствою, еще младенчествующею въ вѣрѣ, какой-нибудь раскольникъ—торгашъ водкою, можетъ посѣять въ ней плевелы раскола, да такъ, что этого посѣва и не замѣтитъ наше духовенство, придерживающееся чарочки и подъ хмелькомъ не видящее далѣе носа. Горюю объ этомъ. Но дай Богъ, чтобы горестъ моя окончилась одною тревогою души моей, вѣрующей въ Церковь *едину*, святую, соборную, а не въ раскольничью.

Митрополитъ не позволилъ провести мнѣ нынѣшнее лѣто въ Ораніенбаумѣ подѣ кровомъ земного ангела-хранителя моего, сказавъ: „тамъ жить вамъ какъ-то неловко“. Не осуждаю его, и безропотно покорствую волѣ его, однако нѣжность души покойнаго Никанора цѣню выше уставной суровости здравствующаго Григорія. Я просился въ Ораніенбаумъ не по какимъ-либо своекорыстнымъ видамъ и не для того, чтобы тамъ жить разсѣянно, а для того, чтобы тамъ подышать чистымъ воздухомъ и въ тихомъ пріютѣ Великой Сестры милосердія обработать новое сочиненіе свое о разныхъ состояніяхъ духовной жизни. Почему бы, кажется, не отпустить меня туда? Все наше царственное семейство имѣетъ достоинство *священническое*: посему то и архіереи, и іереи цѣлуютъ руку царицы, царевны и великой княгини. Почемужъ бы не прилично священному лицу провести нѣсколько дней подѣ отдѣльнымъ кровомъ *Особы священной* въ занятіяхъ духовныхъ? Иное дѣло, если бы приглашали меня жить въ *одномъ домѣ* съ мірскимъ семействомъ: тогда и самъ я отказался бы отъ такого приглашенія, умѣя отличать неприличное отъ пристойнаго. Но Ея Высочество по мудрому такту своему представляетъ мнѣ отдѣльный и совершенно уединенный пріютъ; а этотъ тактъ Ея миритъ мою совѣсть съ закономъ пристойности—тѣмъ болѣе, что слабое здоровье мое даетъ мнѣ право сдѣлать исключеніе изъ устава моей жизни и пользоваться милостью *Особы священной*, по благословенію архипастырскому. Въ этомъ благословеніи вся сила. Оно можетъ обратить загородный пріютъ мой въ пристойную званію моему келію, когда извѣстно, что живущій тутъ есть уже старецъ. Кому не понравилось бы это разсужденіе мое, тому я сказалъ бы: „душенька! не мѣсто святить человѣка, а человѣкъ святить мѣсто“, и примолвилъ бы: „гдѣ царствуетъ цѣломудріе, тамъ пожить прилично всякому, кто сохранилъ это ангельское свойство“.

Я люблю нѣжныя души, но уважаю и суровыя, и потому прошу васъ доложить Великой Княгинѣ объ отказѣ митрополита такъ, чтобы Она видѣла во мнѣ покорнаго сына строгому отцу.

Я скоро уѣду отсюда въ Кострому для свиданія съ престарѣлою матерью и съ родными моими. Ихъ любовь крайне нужна мнѣ въ настоящемъ безотрадномъ моемъ состояніи.

Среди нихъ я не буду смотрѣть на себя, какъ на отлученнаго отъ общества. Не въ Лаврѣ, а въ родительскомъ домѣ обновится, *яко орля*, юность души моей, къ которой набожная мать моя умѣла привить страхъ Божій, цѣломудріе, незлобіе и терпѣніе.

До отъѣзда на родину я еще буду писать къ вамъ. Мнѣ, удрученному подъ тяжестью креста, отрадно видѣть въ васъ Веронику и давать вамъ нерукотворенный образъ мой, т. е. открытую душу въ терновомъ вѣнцѣ, но съ сіяніемъ вѣры, надежды, преданности Богу и упокоенія въ Его волю мудрой святой и благой.

Благословеніе Господне на васъ! Онъ же, Милосердый, да благословитъ и вторую Матерь вашу и Эдитту и княгиню Одоевскую.

А. Порфирій.

Р. С. вмѣстѣ съ этимъ письмомъ отправлены къ вамъ, чрезъ посредство Г. Обазы, двѣ карты Синая, забытыя при отправкѣ сочиненій моихъ.

С. П. Б. 27 Іюня 1857 г.

Много утѣшило меня письмо ваше отъ 20 мая. Вы надѣетесь вмѣсто меня и за меня, и вѣрите, что Господь не оставитъ меня по великому милосердію Своему. Ваша вѣра оправдалась и надежда осуществилась. Припомните: я писалъ вамъ, что Господь милуетъ меня.

Но ваше нетерпѣливое ожиданіе успокоенія моего въ Ораніенбаумѣ не сбылось. Видно, Богъ скорѣе подаетъ намъ блага духовныя, нежели вещественныя, скорѣе врачуетъ душу, нежели тѣло. Хвала Ему за все!

Распоряжайтесь книгами моими, какъ хотите. Прикуйте ихъ къ небу, закопайте въ землю, опустите въ море, оставьте въ Ниццкой больницѣ: я согласенъ на все. Лишь бы ваша свобода не стѣснялась моею волею.

На клиръ нашъ—новая невзгода. На мѣсто преосвящ. Макарія ректоромъ Академіи назначенъ жившій со мною въ Іерусалимѣ Теофанъ, *qui n' a d' autre mérite, qu' un extérieur composé!* Всѣ здѣсь знаютъ, что онъ.... умѣетъ только вышивать шелками и бисеромъ (чему съ любовью учился у извѣстной вамъ госпожи Меркуровой), и всѣ удивляются назначенію его. Общее удивленіе раздѣляю и я, и глубоко сожалѣю о томъ, что хотятъ затмить у насъ и безъ того не блестящее

просвѣщеніе духовное. Инспектора здѣшней академіи архимандрита Кирилла принуждаютъ ѣхать въ Константинополь въ качествѣ священника при тамошнемъ посольствѣ нашемъ, не смотря на его даровитость и ученость (онъ докторъ Богословія), твердость въ православіи и неукоризненную жизнь. Увы! Пришло горе умамъ. Съ сихъ поръ не ожидайте ни богослововъ, ни проповѣдниковъ, ни писателей духовныхъ, хотя въ Академіи и не устроятся станки для вышиванія.

Были у насъ мученики за вѣру. Теперь мучать нашихъ за науку.

Не спрашивайте меня: откуда тьма? Почему призраки являются на мѣстѣ существъ живыхъ? И чего должно ожидать отъ нихъ въ оградѣ нашей Церкви? Я не умѣю, не хочу, не могу отвѣчать вамъ. Я—дерево, изъ котораго однако льются слезы.

Однажды нѣкто говорилъ мнѣ, что если засѣять Россію іезуитами, то всетаки выростутъ казаки. А кто выростетъ, если засѣютъ ее дураками?—Орангутанги? Избави насъ Господи и отъ іезуитовъ и отъ орангутанговъ....

Я нахожу теперь величайшее утѣшеніе въ чтеніи превосходнаго сочиненія. *Vie des pères des déserts d' Orient avec leur doctrine Spirituelle* (par Marin), которое совѣтую читать и вамъ. И прежде я перелистывалъ это сочиненіе, но для одной любознательности, а теперь перечитываю его для назиданія себя, и съ трепетомъ узнаю, что я еще не начиналъ спасаться. Святые отцы, живя духовно, такъ хорошо знали душу съ ея слабостями и совершенствами, что только у нихъ и можно научиться познанію себя самого, безъ котораго на вѣкъ останешься во тьмѣ, въ нечистотѣ и безъ союза съ Богомъ.

Выписываю нѣсколько строкъ, чтобы дать вамъ понятіе о духовномъ брашнѣ св. отцевъ.

Voici les marques extérieures d' orgueil. Il rend d' abord le ton de notre voix élevé, notre silence sombre et amer, nos ris, éclatans et immodérés, nos tristesses déraisonnables, nos réponses aigres, nos discours légers, nos paroles sans poids, sans discernement, sans gravité, il nous rend impatiens, sans charité, hardis à faire outrage aux autres, sensibles à ceux que nous recevons, leuts à obéir, sinon lorsque nous avons déjà prévenu par nos désirs ce qu'on nous com-

mande, incapables de recevoir un avis et de souffrir une réprimande impuissans à résister à notre propre volonté, inflexibles pour nous soumettre à celle des autres, toujours opiniâtres à soutenir nos sentimens, et jamais en état de nous rendre à ceux de nos frères, ainsi nous devenons incapables de conseil et de conduite, et nous ojons avoir plus de confiance en notre propre jugement qu' en celui de notre supérieur.

Dieu, qui est le médecin comme l'auteur de toutes les créatures, sachant que l' orgueil est le principe de nos maladies, a voulu que ce qui était tombé par [l' orgueil se relevât par l' humilité: Le démon dit: *je monterai au plus haut des cieux*. I. Christ dit: *mon âme est rabaissee jusqu' à la poussière de la terre* (Psalm. 43, 25). Le démon dit: *je serai semblable au Très-Haut*. Et I. Christ étant dans la gloire de Dieu *s'est anéanti lui-même en prenant la forme d' un esclave*. Le démon dit: *j' élèverai mon trône au-dessus des astres de Dieu*. I. Christ dit: *apprenez de moi que je suis doux et humble de coeur*.

Sur colère.

Nous pouvons nous mettre en colère seulement contre notre colère même, contre nos mauvais désirs, contre nos défauts, contre nos passions, ce qui se fait, quand nous tâchons de corriger par une componction salutaire les dérèglements de notre coeur. Mais que peut—on dire de ceux, qui au lieu de s' élever contre eux—mêmes par ces sentimens de componction, s' irritent contre les autres, et bien loin de terminer leur colère avant que le soleil se couche, nourrissent plusieurs jours une aversion secrète de ceux contre qui ils sont fâchés? C' est là une véritable vengeance; et c'est de cette manière que se vengent tous les jours ceux qui n' étouffent pas leur émotion par le désir de la paix et par l' amour de la douceur, mais par la seule impuissance, où ils se trouvent de se venger; car peuvent-ils faire davantage, et donner une plus grande marque de leur colère à ceux contre qui ils sont fâchés, qui de ne leur parler avec leur douceur ordinaire? La colère qui est renfermée dans le coeur peut bien ne pas offenser les hommes; mais elle bannit autant la lumière divine du S. Esprit, que si elle éclatait au-dehors.

Les remèdes contre la colère sont: 1.º de n'en souffrir aucun sentiment volontairement dans le coeur, et de nous défier de ses mouvemens, lors même que nous croyons qu' il est permis de nous fâcher pour quelque sujet légitime. 2.º De considérer qu' en offrant notre prière à Dieu, elle n' est point reçue, lorsqu' en la faisant

nous conservons la colère dans le coeur. 3-0 Nous souvenir de la fragilité de notre nature et de l'inconstance de notre vie; croire tous les jours que nous allons sortir de notre corps et que nous n'avons rien mérité par notre chasteté et par nos travaux, puis que notre seul colère nous rend toutes les vertus inutiles, et nous fait tomber dans les supplices dont le juge de tous les hommes a menacé les vindicatifs et les colères.

Sur contemplation.

L'homme environné d'infirmités sur la terre, ne doit pas prétendre d'y être inséparablement uni à Dieu par la contemplation. Tout ce qu'il peut faire est de savoir, à quoi son esprit doit toujours tendre, et quel objet il doit se proposer pour y être toujours appliqué. Il doit se rejouir et se consoler dans son âme, lors qu'il y pense. Il doit gémir et s'affliger, lorsqu'il s'en éloigne par de vaines distraction; et alors il doit rappeler son coeur de son égarement et redresser ses pensées pour les porter à le divine objet. Pour ce qui est de la contemplation de Dieu, on ne connaît pas seulement Dieu par la vue et l'admiration de son essence incompréhensible, ce qui est encore voilé pour nous et caché dans l'espérance des promesses qu'on nous a faites. Mais on le connaît ici—bas par le grandeur et l'excellence de ses oeuvres, par la considération de sa justice et par cette providence et cette sagesse qu'il fait reluire sans cesse dans le gouvernement du monde. Ainsi nous nous élevons à lui en contemplant avec un esprit pur la conduite qu'il a tenue de siècle en siècle sur chacun des saints qu'il a fait naître dans son Église; en admirant avec un sainte frayeur cette puissance souveraine, avec laquelle il gouverne, il ordonne, il régle tout, cette science infinie et cet oeil pénétrant qui perce jusq'au fond des coeurs sans que rien se puisse dérober à sa lumière: en nous représentant avec étonnement qu'il connaît le nombre des grains de sable et les flots de la mer; en admirant que chaque goutte de pluie, chaque jour, chaque heure, tout le passé, tout l'avenir subsiste devant lui et est présent à sa connaissance.

Mais ce qui doit nous toucher davantage, c'est quand nous repassons dans notre esprit cette douceur et cette patience infatigable avec laquelle il souffre le nombre infini de crimes qui se commettent tous les jours devant ses yeux; lorsque nous faisons réflexion à l'état saint auquel il nous a appelés par sa pure miséricorde: enfin lorsque nous voyons avec un transport de joie et d'admiration, combien, après nous avoir choisis pour être du nombre de ses enfans, il nous

a fait naître d'ouvertures et d'occasions favorables pour nous sauver.

Veillez sur vos yeux, sans quoi ils vous trahiront bientôt par leur mobilité.

Quand vous êtes frappé de l'opulence, de la grandeur ou de la puissance de grands du monde, faites aussitôt attention à la fragilité de toutes ces choses, et vous n'en serez pas touché.

Donnez toujours la préférence à la charité du prochain, à moins que l'amour que vous devez à Dieu n'en souffrit de diminution dans votre âme.

Quand vous voulez avertir celui qui pèche, mêlez toujours dans votre admonition des paroles de douceur: vous ramollirez, pour ainsi dire, par là ses oreilles et vous éclairerez son cœur.

1) Il est bon non seulement de prier pour la remission de ses échés, mais encore pour celle des péchés des autres: par cette prière de charité nous imitons les saints anges 1).

Оканчиваю это письмо любимымъ благожеланіемъ вамъ:

Благословеніе Господне на васъ!

А. П.

1) Вотъ внѣшніе признаки гордости. Она прежде всего дѣлаетъ тонъ нашего голоса повышеннымъ, наше молчаніе мрачнымъ и горькимъ, нашъ смѣхъ звучнымъ и неумѣреннымъ, наши горести безсмысленными, наши отвѣты рѣзкими, наши разговоры легкими, наши слова неумѣющими въса, точности, степенности, она насъ дѣлаетъ нетерпѣливыми, безъ любви, отважными въ оскорбленіи другихъ, чувствительными къ тѣмъ, которые насъ принимаютъ, медленными въ послушаніи, исключая тѣхъ случаевъ, когда мы своими пожеланіями предупредили то, что намъ приказываютъ, неспособными признавать мнѣніе и переносить упрекъ, слабыми въ сопротивленіи нашей собственной волѣ, непреклонными для того, чтобы подчиниться волѣ другихъ, всегда упорными въ поддержаніи своихъ мнѣній и мы никогда не въ состояніи присоединиться къ мнѣнію своихъ братьевъ, такъ обр. мы становимся невоспримчивыми къ совѣту и руководству и осмѣливаемся больше довѣрять собственному сужденію, чѣмъ сужденію своего начальника.

Богъ-врачъ, точно также какъ и Творецъ всѣхъ созданій, зная, что гордость—начало нашихъ болѣзней, пожелалъ, чтобы павшій отъ гордости поднялся путемъ смиренія. Демонъ говоритъ: взыду въ горнія небеса. І. Христосъ говоритъ: душа моя снизошла до праха земли (Ис. 43, 25). Демонъ говоритъ: я буду подобенъ Вышнему. И І. Христосъ пребывая въ славу Божію, смирилъ Себя, принявъ образъ раба. Демонъ говоритъ: я поставлю свой престолъ выше звѣздъ Божіихъ. І. Христосъ говоритъ: научитесь отъ Меня, что Я кротокъ и смиренъ сердцемъ.

О Г Н Ъ В Ъ.

Мы можемъ гнѣваться только на свой собственный гнѣвъ, на свои дурныя пожеланія, на свои недостатки, на свои страсти, что происходитъ

С.-П.-Б. 16 іюля 1857 г.

Послѣднее письмо ваше изъ Ниццы, отъ 12 іюня, доставлено мнѣ въ 13 день іюля. Въ этотъ день у меня были двѣ радости: одна—объ огласившемся здѣсь назначеніи меня въ

тогда, когда мы стараемся исправить разстройство своего сердца спасительнымъ сокрушеніемъ во грѣхахъ. Но что можно сказать о тѣхъ, которые вмѣсто того, чтобы возставать противъ самихъ себя этими чувствами сокрушенія, заблуждаются въ отношеніи къ другимъ, и далекие отъ того, чтобы кончать свой гнѣвъ до захода солнца, долго питаютъ тайное отвращеніе къ тѣмъ, противъ которыхъ они раздражены? Это истинная мсть; и этимъ способомъ мстятъ всегда тѣ, которые не потушаютъ своей страсти желаніемъ мира и любовью къ кротости, по одной только безпомощности метить, въ которой они находятся; ибо могутъ-ли они сдѣлать большее и дать лучшей признакъ своего раздраженія тѣмъ, на которыхъ они сердиты, какъ не тѣмъ, что не говорятъ съ ними съ обычной кротостью? Гнѣвъ, заключенный въ сердцѣ, можетъ не оскорблять людей, но онъ также изгоняетъ божественный свѣтъ Св. Духа, какъ еслибы онъ проявлялся во вѣѣ.

Средства противъ гнѣва: 1-е Не допускать охотно никакого ощущенія его въ сердцѣ, и остерегаться всякаго его движенія даже тогда, когда мы думаемъ, что позволительно намъ гнѣваться во имя какого нибудь законнаго предмета; 2-е имѣть въ виду, что при принесеніи нашей молитвы къ Богу, она не будетъ принята, если мы совершая ее, питаемъ въ сердцѣ гнѣвъ; 3-е вспоминать о тлѣнности нашей природы и непрочности нашей жизни, всегда помнить что мы должны разстаться со своимъ тѣломъ и что мы ничего не приобретаемъ своимъ цѣломудріемъ и своими трудами, если одинъ гнѣвъ дѣлаетъ для насъ всѣ добродѣтели бесполезными, и подвергаетъ насъ наказаніямъ, которыми судья всѣхъ людей угрожалъ мстительнымъ и гнѣвнымъ.

О С О З Е Р Ц А Н І И.

Окруженный на землѣ переходящимъ, человекъ не долженъ претендовать здѣсь на нераздѣльное соединеніе съ Богомъ путемъ созерцанія. Все, что онъ можетъ сдѣлать, это—знать, къ чему его духъ постоянно долженъ стремиться и какой онъ долженъ избрать себѣ объектъ, чтобы быть постоянно къ нему приверженнымъ. Онъ долженъ радоваться и утѣшаться въ душѣ, когда онъ о немъ думаетъ. Онъ долженъ вздыхать и сокрушаться, когда онъ удаляется отъ него, благодаря пустой разсѣянности; и тогда онъ долженъ возвратитъ свое сердце съ пути заблужденія и подавить свои мысли, чтобы привести ихъ къ божественному объекту. Что касается до созерцанія Бога, Бога не познаютъ только созерцаніемъ и удивленіемъ Его непостижимой сущности, это еще сокрыто отъ насъ и сокрыто въ надеждѣ обѣщаній, которыя намъ даны. Но здѣсь на землѣ познаютъ Его въ величіи и превосходствѣ Его дѣлъ, созерцая Его правосудіе, тотъ промыслъ и ту мудрость, которую Онъ проявляетъ непрерывно въ управленіи міромъ. И такъ, мы восходимъ къ Нему въ созерцаніи чистымъ духомъ поведеніе, отъ вѣка и до вѣка Имъ проявляемое на

Иерусалимъ *помощникомъ* Поликарпу, а другая—о продолженіи вашей дружеской переписки со мною. Первая радость моя еще можетъ обратиться въ печаль, если верховная власть не утвердитъ почему либо назначеніе меня въ св. градъ, вторая же пребудетъ во мнѣ, какъ благоуханіе въ кринѣ, освѣженномъ медовою росою.

Ваше огорченіе, по случаю извѣстнаго отказа митрополита, невинно, какъ естественное обнаруженіе вашего добродушія. Но пусть оно не сопровождается ни осужденіемъ, ни порицаніемъ того, кто лишилъ меня блага земного. Я уже не только не скорблю, но даже не вспоминаю объ этомъ лишеніи. Не вспоминайте о немъ и вы.

Искреннее сожалѣніе о мнѣ Великой Сестры милосердія умастило мою душу, какъ цѣлебный бальзамъ. За то даруй Ей, Господи, здравіе, долгоденствіе и во всемъ благое поспѣ-

каждомъ изъ святыхъ, которыхъ онъ произвелъ въ Своей церкви, удивляясь съ священнымъ трепетомъ этой владычественной силѣ, которой Онъ правитъ, распоряжается и устраиваетъ все, той безконечной мудрости, тому пронизательному глазу, который проникаетъ до глубины сердца, такъ что бы ничто не могло лишиться его свѣта; представляя себя съ изумленіемъ, что Онъ знаетъ число песчинокъ и волнъ моря, удивляясь, что каждая капля дождя, каждый день, каждый часъ, все прошедшее, все будущее открыто предъ Нимъ, и доступно Его знанію.

Но что должно насъ больше тронуть, это если воспроизведемъ въ своемъ умѣ ту кротость и то терпѣніе неутомимое, съ которымъ Онъ терпитъ безконечное число преступленій, которыя совершаются ежедневно предъ Его глазами, если мы подумаемъ о священномъ состояніи, къ которому Онъ призвалъ насъ, благодаря единственно своему милосердію; если мы наконецъ посмотримъ съ восхищеніемъ и удивленіемъ, сколько Онъ, избравъ насъ къ тому, чтобы быть въ числѣ Его дѣтей, производитъ поводовъ и благоприятныхъ случаевъ для нашего спасенія.

Наблюдайте за своими глазами, иначе они васъ увлекутъ скоро своею подвижностью.

Когда вы поражены изобиліемъ, величіемъ или могуществомъ великихъ міра, то тотчасъ обращайтесь вниманіе на тлѣнность всѣхъ вещей и вы этимъ не будете затронуты.

Отдавайте всегда предпочтеніе любви ближняго, но чтобы любовь ваша къ Богу отъ этого не уменьшалась въ вашемъ сердцѣ.

Если вы желаете обратить грѣшника, то въ свое увѣщаніе всегда вставляйте слово ласки, вы смягчите, такъ сказать, этимъ его слухъ и освѣтите его сердце.

Хорошо молиться объ оставленіи не только своихъ грѣховъ, но еще и объ оставленіи грѣховъ другихъ, этой молитвой любви мы подражаемъ святымъ ангеламъ.

шеніе; и ангель хранитель Ея да благословляетъ струи той цѣлебной воды, которую Она пьетъ, или будетъ пить. Великая Княгиня, вѣдь, краса наша. Ея умъ и добродѣтели весьма нужны намъ. Но о ней лучше бесѣдовать съ Богомъ, нежели съ людьми.

А мы съ вами будемъ разговаривать, пока духъ жизни пребудетъ въ насъ. Въ нашемъ сѣверномъ полушаріи неба нѣтъ такихъ звѣздъ, которыя *видимо* простирали бы, одна къ другой, тончайшую нить чистаго свѣта, какъ это замѣтно въ полушаріи южномъ. Ну, такъ мы замѣнимъ эти звѣзды! Посылайте вы мнѣ свѣтъ свой: а я буду отсвѣчать вамъ. Истинная дружба есть чистѣйшее соосвѣщеніе душъ тѣмъ свѣтомъ, которое изливаетъ на нихъ вѣчное Солнце—Богъ.

Теперь горитъ во мнѣ желаніе распознать дары и плоды Духа Святаго. Что такое, напр., даръ премудрости и разума, или даръ совѣта и крѣпости? Какое отношеніе ихъ къ природнымъ способностямъ души нашей? Чѣмъ отличаются плоды *благодати*, напр. любовь, радость, кротость, отъ любви, радости, кротости *естественной*? Вотъ предметы, которые нужно знать всякой душѣ христіанской, дабы стремиться къ обогащенію себя этими райскими сокровищами, и такимъ духовнымъ богатствомъ отличать отъ идолопоклонниковъ, іудеевъ, магометанъ и философовъ, въ которыхъ есть своя мудрость, любовь, кротость! Къ сожалѣнію, объ этомъ нѣтъ ни въ катихизисахъ, ни въ Богословіяхъ, ни въ проповѣдяхъ. Когда я водворюсь въ Сіонъ, тогда прилѣжно займусь изслѣдованіемъ *сочетанія благодати и природы*; и это изслѣдованіе будетъ предметомъ *особой* переписки моей съ вами.

А до той поры удовольствуемся мѣною слова о дѣлахъ житейскихъ.

Гдѣ то порхаетъ нашъ Іорданскій голубь? Не чуть, не слышать его! Не пала ли вамъ вѣсточка о немъ? Вотъ, какъ бы вы съ нимъ прилетѣли попить ко мнѣ святой воды изъ Іордана! То-то бы хорошо было!

Я желаю передать въ бібліотеку Великой Княгини Елены Павловны сочиненія свои, но не смѣю сдѣлать того безъ соизволенія Ея. Итакъ доложите Ей объ этомъ.

Вы теперь живете недалеко отъ Виртемберга. Достаньте же мнѣ ту литургію, которую сочинилъ тамошній Король и которой не принялъ народъ Его, если только она была на-

печатана. Любопытно знать чинъ богослуженія Королевскій!
Какъ поживаютъ Нѣмцы? Erdäpfel essen? Zweifel lieben?
Leben sie wohl, mein gnädige Fräulein.

А. П.

Р. S. Радуюсь, что Эдитта Теодоровна здравствуетъ. Кла-
няюсь ей.
